

О. П. СУНИК

О ЯЗЫКЕ НАНАЙЦЕВ НА р. КУРЕ

I

Вопросы нанайской диалектологии давно уже привлекают к себе пристальное внимание не только лингвистов-наисведов, но и местных работников, связанных непосредственно с практической деятельностью по созданию и развитию нанайской письменности. Первым итогом исследовательской работы в указанной области явилась классификационная схема диалектов и говоров нанайского (гольдского) языка, опубликованная в 1934 г. в связи с изданием карты распространения языков народов Севера.¹ Нанайский язык, согласно данным того времени, складывался из следующих диалектов: собственно нанайского, ульчского, орокского. Собственно нанайский диалект делился на говоры: торгонский (или найхинский), положенный в основу нанайского литературного языка, куро-урмийский, горинский.

В свое время эта сводка была значительным, хотя только первым шагом на пути изучения нанайских говоров и диалектов; основывалась она на весьма предварительных, чисто рекогносцировочных сведениях. Сведения эти были добыты в очень сжатые сроки, в процессе решения неотложных практических задач, связанных с созданием нанайской письменности. И хотя приведенная сводка все еще продолжает официально быть единственной, — ни лингвистов, ни практических работников по нанайскому языку она давно уже не удовлетворяет.

Так, языки ульчей (*нани*) и ороков (*ульта*) были названы диалектами нанайского языка в силу того, что предполагалось обслужить эти весьма немногочисленные народности единым для них и нанайцев (*нанай*) литературным языком. Однако на практике это предположение не оправдалось. Различия между языками ульчей и ороков, с одной стороны, и нанайским языком, с другой, оказались настолько значительными, что нанайская литература среди ульчей и особенно среди ороков надлежащего распространения и использования не получила.

Что же касается говоров собственно нанайского языка, то вопрос о них (при более углубленном знакомстве с материалом) оказался значительно сложнее, чем это предполагалось вначале. Так, например, в 1941 г. исследовательница нанайского языка Т. И. Петрова по этому поводу писала: „Необходимо иметь в виду, что в языке нанай имеется ряд местных говоров... Вопрос же об особенностях отдельных говоров и взаимоотношениях их между собою является задачей будущих исследований: он в современной литературе совершенно не освещен...“²

К сожалению, с этим утверждением нельзя не согласиться. Дело обстоит именно так, несмотря на то, что в течение многих лет велась

¹ Язык и письменность народов Севера, ч. III. Учпедгиз, 1934, Приложение, стр. II.

² Т. И. Петрова. Очерк грамматики нанайского языка. Учпедгиз, 1941, стр. 8.

интенсивная работа по изучению нанайских говоров, несмотря на то, что почти по каждому из них собраны значительные материалы целой группой исследователей: Н. А. Липской, А. Н. Улитиным, В. А. Аврориним, Т. И. Петровой, А. П. Путинцевой, М. А. Каплан, В. Ф. Новиковым, М. К. Максимовым, О. П. Суником и др. Собранные материалы остались не опубликованными, часть из них погибла в Ленинграде в годы Великой Отечественной войны. Перед нанайцами, таким образом, стоит неотложная задача дополнительного сбора языковых материалов, диалектологическое изучение этих материалов, издание их.

Язык нанайцев Кур-урмийского района Хабаровского края кур-урмийским говором нанайского языка был назван на основании некоторых совершенно предварительных (и даже „предположительных“) данных. Материалы по этому говору до сего времени никем не разрабатывались и не публиковались.

Настоящая статья имеет целью осветить весьма своеобразные черты диалекта, на котором говорят нанайцы, обитающие на р. Күре — левом притоке р. Тунгуски, впадающей немного ниже Хабаровска в многоводный Амур.

II

Летом 1939 г. во время научной командировки в Нанайский административный район Хабаровского края автору предлагаемой статьи вместе с ныне покойным художником Сергеем Первунинским удалось совершить кратковременную поездку в Кур-урмийский район. Мы побывали в районном центре Новокуровка, несколько дней провели в нанайском селении на р. Күре — Улике, побывали в близрасположенном другом нанайском селении — Джафэ. На обратном пути, при возвращении в Хабаровск, нам довелось заехать в нанайское селение на р. Тунгуске — Джармин.

Большую помощь в ознакомлении с языком и бытом нанайцев указанных селений нам оказал очень знающий и бывалый местный работник Александр Удинкан, нанайец по национальности, житель селения Улика. А. Удинкан оказался человеком не только прекрасно осведомленным во всех вопросах хозяйственной и культурной жизни района, но и самобытным лингвистом, хорошо знающим и тонко чувствующим особенности местной нанайской речи. Приводимыми ниже сведениями о языке кур-урмийских нанайцев я обязан прежде всего А. Удинкану. В частности, с его помощью можно было придти к заключению, что говор нанайских селений на р. Тунгуске совпадает в своих характерных чертах с верхне-амурским (сакачианским) говором нанайского языка. Благодаря осведомленности А. Удинкана, можно было также сделать предположение, что в нанайских селениях на р. Урми распространен тот же особый нанайский диалект, на котором говорят нанайцы Күра.

Улика-национальная (в отличие от Улики-Павловки, близрасположенного русского селения) по-нанайски называется *уликэ*. Это крупный поселок, расположенный в весьма живописном месте на правом возвышенном берегу р. Күра. Наряду с глиняными фанзами немало деревянных рубленых домов. В поселке имелась школа, клуб. Число проживающих здесь нанайцев, именующих себя *бирани* или *бира бэйэ*, достигало 150. В поселке проживало 4 китайских и 2 русских семьи.

Родовые названия (теперь — фамилии) проживающих в Улике нанайцев: *удиңкан*, *доңкан*, *йукомзан*, *актаңка*. По численности преобладали *удиңкан* и *доңкан*.

Джафэ — по-нанайски *хэзіні* — небольшое селение из 5 домов. Родовые названия — *йукомзан* и *удиңкан*. Селение расположено также на правом берегу р. Күра, в 4—5 км ниже Улики. Его нанайское название *хэзіні* разъясняется как 'люди (-ні) низовья, нижнего течения (*хэзі*)'.

Каких-либо различий между языками нанайцев указанных двух селений мною не отмечено.

И в Джафэ, и особенно в Улике заметно преобладание охотничьего промысла над рыболовным, являющимся основным для нанайцев Амура. Кстати, нанайцев амурских здесь называют *хэйни* или *хэйби гурӯ* 'низовские люди', 'люди нижнего течения реки'. Себя же, как указано выше, — *б'ирани* 'речные люди', 'поречане' (*б'ира(н)* 'небольшая река', 'приток', *ни* ← *най* 'человек', 'люди').

Язык нанайцев Улики и Джафэ обнаруживает весьма значительные отличия при сравнении его с языком амурских нанайцев. Нанайские дети, с которыми мне приходилось беседовать в Улике, языка амурских нанайцев почти не понимают. Взрослые понимают, но делают сознательное различие между *мэнэ хэсэ* 'свои слова', 'свой язык' и *маңуду б'и ни хэсэни* 'язык людей, живущих на Амуре'.

Русским языком в той или иной мере владеет все взрослое население Улики и Джафэ. Предметы современного культурного и хозяйственного обихода достаточно широко представлены в этих нанайских селениях: по соседству с ними расположены русские селения Улика-Павловка, Новокуровка, Преображенка и др. Значительно севернее и северо-западнее — в верховьях рр. Кúра и Урми — живут эвенки (тунгусы). С ними (насколько я мог выяснить путем расспросов) у жителей Улики и некоторых других нанайских селений на Кúре в настоящее время общения нет. Прежде, говорят, было. Это важно подчеркнуть, ибо, как будет видно из дальнейшего изложения, язык нанайцев Кúра содержит огромное количество тунгусизмов. Предваря выводы, можно сказать, что спецификой исследуемого нанайского говора как раз и является обилие в нем тунгусских элементов, особенно ярко обнаруживающихся в лексике этого говора и, частично, в его морфологии и фонетике.¹

III

Состав фонем языка нанайцев на р. Кúре весьма сходен с фонематическим составом верхнеамурского (или сакачиалынского) говора, который, в свою очередь, мало чем отличается в этом отношении от нанайского литературного языка, строящегося на основе среднеамурского (или найхинского) говора. Считаюсь с тем обстоятельством, что материалы по верхнеамурскому говору пока не опубликованы, я буду в целях освещения фонетических особенностей говора нанайцев Кúра сравнивать этот говор с нанайским литературным языком, получившим в печати свою достаточно определенную, хотя и все еще далеко не полную, лингвистическую характеристику.

Гласные звуко-фонемы так же, как в нанайском литературном языке, могут быть представлены с помощью приводимой здесь таблицы.

Ряд	Передний	Средний	Задний
	не огубленные	не огубленные	огубленные
Верхний . .	<i>i</i>	—	<i>y</i>
Средний . .	<i>и</i>	—	<i>у</i>
Нижний . .	<i>e</i>	<i>э</i>	<i>о</i>
	—	<i>a</i>	—

¹ Когда эта статья была уже набрана и сверстана, мои материалы по языку нанайцев Кúра значительно пополнились в результате специальной поездки на Кур летом 1948 г. Лишенный (по техническим причинам) возможности сделать надлежащие дополнения сейчас, я надеюсь изложить результаты исследования 1948 г. в другой статье, посвященной языку и этнографии нанайцев Кúра. Мои новые материалы позволяют, как кажется, не только достаточно полно описать языковые факты, но и более определенно высказаться о путях сложения этого своеобразного «нанайско-эвенкийского» диалекта.

Обращают на себя внимание часто встречающиеся комбинаторные варианты фонем *э, и, i*. Перед губно-губным носовым согласным *м* гласный *э*, лабиализуясь, звучит как *о*: *эмү ~ омү* 'один'; в абсолютном конце слова этот же гласный звучит как неударное русск. *а*: *ул'икэ ~ ул'ика* — название селения, и т. д. Гласные *и, i* после переднеязычных согласных *т, д, н*, не палатализуя в этих случаях предшествующий согласный, воспринимаются на слух как *ы*: *удиңкан ~ удыңкан* — родовое название (фамилия), *тимаки ~ тымаки* 'завтра', *ни ~ ны* 'кто?', 'что за?', *дйи ~ дыйи* 'четыре', *сади ~ сады* 'старый (-ая, -ое)' и т. д.

Фонема *е*, так же как и в других говорах нанайского языка, встречается редко: *эма* 'что?', 'что за?', *есе* — корень глагола 'доходить', 'достигать', 'быть в достатке', *ела* 'три', *кера-ни* 'берег', 'край'.

Все гласные могут быть долгими. Долгота, как правило, фонематического (смыслоразличительного) значения не имеет.

Все гласные в абсолютном конце слова могут быть назализованными. Назализация является результатом утраты конечного *н*, восстанавливаемого при наращении к слову какого-либо суффикса (за исключением, впрочем, суффикса мн. числа *-сал, -сэл*).

В отличие от нанайского литературного языка, в описываемом говоре крайне редко встречаются дифтонги. Дифтонгизация не свойственна личным местоимениям: *му* 'мы', *су* 'вы' (ср. нан. лит. *буэ, суэ*). Не дифтонгизируют гласные падежных суффиксов *н'оан-до-ни н'оан-ди-ни* 'ему', 'им' (ср. нан. лит. *нэан-до-ни, нэан-ди-ни*).

Согласные звуко-фонемы языка нанайцев Күра могут быть представлены в следующей таблице:

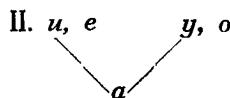
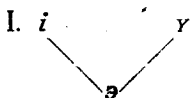
По активному органу По способу образования	Губно-губные		Переднеязычные		Среднеязычные		Заднеязычные	
	глух.	звонк.	глух.	звонк.	глух.	звонк.	глух.	звонк.
Смычные . . .	(п)	б	т	д	т'	—	к	г
Щелевые . . .	ф	в	с	(э)	—	й	х	—
Носовые . . .	—	м	—	н	—	(н')	—	ң
Боковые . . .	—	—	—	л	—	—	—	—
Дрожащие . . .	—	—	—	р	—	—	—	—
Аффрикаты . . .	—	—	—	—	ч	ж	—	—

Как и в других верхнеамурских говорах нанайского языка, в языке нанайцев Күра широко распространен губно-губной щелевой (фрикативный) *ф*, которому в нанайском литературном соответствует *п*: *фала* 'пол' (нан. лит. *палан*), *фара* 'сани' (нан. лит. *пара*), *энэй-фу* 'идем', 'уходим (мы)' (нан. лит. *энэй-пу*), *футэ* 'ребенок', 'дитя' (нан. лит. *пиктэ, пурил*) и т. д. Фонема *ф* в редких случаях и в языке нанайцев Күра чередуется с фонемой *п*.

Все другие особенности в области консонантизма связаны с бытованием фонем, употреблением их в потоке речи. Из явлений этого порядка необходимо упомянуть широко развитые случаи звуковой ассимиляции, наблюдаемой как в области консонантизма, так и в области вокализма.

Прогрессивная ассимиляция гласных (гармония гласных или сингармонизм) наблюдается в тех же формах и в той же мере, как она свойственна всем другим нанайским говорам, в частности — среднеамурскому (найхинскому) говору, положенному в основу литературного нанайского языка.

В одном слове встречаются гласные лишь одной из двух ниже-
следующих групп:

В этих группах наиболее показательным оказывается противопоставление $э \longleftrightarrow а$. Противопоставления $i \longleftrightarrow и$, $у \longleftrightarrow у$ на слух мало заметны и скорее воспринимаются как $и \longleftrightarrow е$, $у \longleftrightarrow о$.

В зависимости от состава гласных корня или основы слова меняется огласовка присоединяемых к ним суффиксов: *-ва, -вэ, -сал, -сэл, -дола, -дулэ, -с'и, -с'и* и т. д.

В отношении ассимиляции согласных следует отметить фонетические особенности при сочетании *н + в*.

Когда к основе, оканчивающейся на *н* или на назализованный гласный, присоединяется суффикс, начинающийся губно-губным *в*, происходит следующее: гласный основы деназализуется, и восстановленный *н* как бы меняется местом с *в*, ассимилируемым при этом в *м*. Например, *фалл* 'пэл', *м'и фаламна* *фүл'и*(') 'я по полу хожу', где *фаламна* — форма винительного падежа, образовавшаяся из *фала + ва* → *фалам + на* (ср. с формой вин. пад. основы на гласный: *зака-ва* 'вещь', *мукэ-вэ* 'воду', и т. д.). В других нанайских говорах в аналогичных случаях наблюдается взаимная ассимиляция по формуле: *н + в* → *мб*. Например: *пала + ва* → *паламба*; *хотō + ва* → *хотомба* и т. д. Это явление свойственно и личным местоимениям: нан. лит. *лимбивэ* 'меня', *симбивэ* 'тебя' и т. д. В нанайском на Ку́ре в этих случаях находим иные формы: *м'инэвэ* 'меня', *с'инэвэ* 'тебя' и т. д., но *н'оамнани* 'его' (**н'оан + ва + ни*), *н'оамнати* 'их' (**н'оан + ва + ти*).

Отметим еще особенности бытования фонемы *х*. В отличие от всех других нанайских говоров, в нанайском на Ку́ре в целом ряде случаев в абсолютном начале слова *х* отсутствует. Например, *урэ* 'сопка', 'гора' (лит. *хурэн*), *ал'и* 'когда' (лит. *хали*), *ор'и* 'двадцать' (лит. *хорин*), *амаски* 'назад', 'обратно' (лит. *хамаси*), *эрэки* 'лягушка' (лит. *лэрэ*) и т. д., но *хала* 'род', 'фамилия' (в лит. так же) и нек. др.

Как и в других тунгусо-маньчжурских говорах (впрочем, не только в нанайских, но и во всех тунгусо-маньчжурских), в абсолютном начале слова не встречается фонема *р*; отсутствует стечение согласных. В середине слова не встречается стечение более двух согласных. В абсолютном конце слова находим, как правило, гласный чистый или назализованный, редко — согласные *-н, -л, -р*.

Что касается ударения в слове, то оно на слух ничем не отличается от того, что наблюдается в других нанайских говорах. Вопрос о лексическом ударении в нанайском языке пока по-настоящему (экспериментально-фонетически) не исследован. Можно думать, что слабое экспираторное ударение падает в нанайском на первый слог; последний же слог слова имеет тоническое (музыкальное) ударение — незначительное повышение тона. Для слуха русских именно это последнее тоническое ударение оказывается наиболее заметным. Обычно оно и отмечается без указания на особый его характер, т. е. отмечается как привычное для русской речи экспираторное ударение, но в отличие от русского не свободное, а связанное: всегда на последнем слоге слова.

Таким образом, в основных и определяющих своих чертах фонетика языка нанайцев Ку́ра не имеет отличий от того, что в равной мере характерно для всех других говоров нанайского языка. Перечислим эти черты:

1. Общенанайский состав основных гласных фонем при небольших отличительных особенностях в составе согласных.

2. Широко распространенная назализация конечных гласных как результат усечения *н*.

3. Гармония гласных общенанайского типа.

4. Словесное ударение общенанайского типа.

Суммируем также фонетические черты, выделяющие язык нанайцев Күра из числа нанайских говоров и в известной мере сближающие его с другими тунгусо-маньчжурскими языками:

1. Наличие фонемы *ф*, характерной также для маньчжурского языка, отчасти — удэйского и некоторых верхнеамурских говоров нанайского.

2. Отсутствие палатализации согласных *т*, *д*, *н* в положении перед передними гласными *и*, *е* (*э*), что в равной мере характерно для тунгусских говоров, а также отмечается в языке ульчэй.

3. Незначительное развитие дифтонгизации гласных, в такой же степени не свойственное большинству тунгусо-маньчжурских языков, но исключительно широко развитое в среднеамурском нанайском говоре, положенном в основу нанайского литературного языка.

4. Частое отсутствие в абсолютном начале слова фонемы *х*, наличествующей в указанной позиции в нанайских говорах, но не свойственной маньчжурскому и тунгусскому языкам.

5. Особенности ассимиляции при стечении согласных *н* + *в*, не свойственные другим тунгусо-маньчжурским языкам и выделяющие тем самым описываемый диалект из числа всех прочих тунгусо-маньчжурских диалектов.

IV

В кратком грамматическом очерке языка нанайцев Күра следует сосредоточиться на особенностях его синтаксической морфологии — суффиксальных формах словоизменения, так как в части собственно синтаксической, относящейся к области строя предложений и словосочетаний, указанный язык никаких существенных отличий от синтаксических норм литературного нанайского языка не обнаруживает.¹

Притяжательные формы имен широко распространены в языке нанайцев Күра. Отличия, наблюдаемые в формах притяжательных суффиксов, носят чисто фонетический характер и могут быть легко объяснены при учете сказанного выше относительно фонетических особенностей интересующего нас диалекта.

Лично-притяжательные суффиксы могут быть представлены следующим образом:

	1-е лицо	2-е лицо	3-ье лицо
Ед. ч.	-и <i>и</i> , -(м)ни, -(м)ни	-с'и, -с'и	-ни, -ни
	-б'и, -б'и		
Мн. ч.	-фу -фу	-су, -су	-ти, -ти

Безлично-притяжательные („возвратные“) формы аналогичны нанайским на Амуре: при ед. ч. субъекта владения — *и*, *и*; -(м)ни, -(м)ни; -б'и, б'и, при мн. ч. субъекта владения — *вари*, *вэри*; -(м)нар'и, -(м)нэр'и: -бар'и, -бэр'и.

Притяжательные аффиксы, как и во всех других тунгусо-маньчжурских языках, обладающих аналогичными формами, присоединяются к именным

¹ О. П. Суник. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Учпедгиз, 1947, гл. I „Общая характеристика строя предложения в тунгусо-маньчжурских языках“.

основам двумя способами: непосредственно или через посредство особого суффикса *-чи*, *-чи*. Первый ряд притяжательных форм выражает неотчуждаемую принадлежность, второй — принадлежность отчуждаемую.¹

Примеры:

а) основа на гласный — *дэрэ* 'стол', (*м'и*) *дэрэ-и* 'мой стол', (*с'и*) *дэрэ-с'и* 'твой стол', (*н'оани*) *дэрэ-ни* 'его стол', (*му*) *дэрэ-фу* 'наш стол', (*су*) *дэрэ-су* 'ваш стол', (*н'оати*) *дэрэ-ти* 'их стол';

б) основа на назализованный гласный — *ицак'и* 'собака'; (*м'и*) *ицак'им-ни* 'моя собака', (*с'и*) *ицак'ин-с'и* 'твоя собака', (*н'оани*) *ицак'ин-ни* 'его собака', (*му*) *ицак'ин-фу* 'наша собака' (*су*) *ицак'ин-су* 'ваша собака', (*н'оати*) *ицак'ин-ти* 'их собака'.

в) основа на согласный — *тэмтэкэсэл* 'лодки' (*ми*) *тэмтэкэсэл-б'и* 'мой лодки', (*с'и*) *тэмтэкэсэл-с'и* 'твой лодки', (*му*) *тэмтэкэсэл-фу* 'наши лодки', (*су*) *тэмтэкэсэл-су* 'ваши лодки', (*н'оани*) *тэмтэкэсэл-ни* 'его лодки', (*н'оати*) *тэмтэкэсэл-ти* 'их лодки'.

В формах отчуждаемой принадлежности притяжательные суффиксы такие же, как и при основах на гласный. Например: *мō* 'дерево'; (*м'и*) *мō-чи-(и)* 'мое дерево', (*с'и*) *мō-чи-с'и* 'твое дерево', (*н'оани*) *мō-чи-ни* 'его дерево' и т. д.; *орō* 'олень'; (*м'и*) *орō-чи-(и)* 'мой олень', (*с'и*) *орō-чи-с'и* 'твой олень', (*н'оани*) *орō-чи-ни* 'его олень' и т. д.; *усэ* 'сопка' ('гора'); (*им'и*) *урэ-чи(и)* 'моя сопка', (*с'и*) *урэ-чи-с'и* 'твоя сопка', (*н'оани*) *урэ-чи-н* 'его сопка' и т. д.

Во всех приведенных притяжательных конструкциях первый член — заключенное в скобки личное местоимение — является факультативным, т. е. может отсутствовать („опускаться“).

Сравнение вышеприведенных форм с аналогичными формами нанайского литературного языка выявляет следующие различия:

1. Форманту 1-го л. ед. числа основ на назализованный гласный *-(м)ни* в нан. лит. соответствует *-(м)би*.

2. Форманту 1-го л. мн. числа *-фу* в нан. лит. соответствует *-пу*.

3. Форманту 3-го л. мн. числа *-ти* в нан. лит. соответствует *-чи* (*-т'и*).

4. Суффиксу отчуждаемой принадлежности *-чи*, *-чи* в нан. лит. соответствует *-чи*, *-чи*.

Отличая, указанные в п.п. 3 и 4, сближают язык нанайцев Күра с тунгусскими языками, а также языками удэ и ульчей.²

Склонение характеризуется шестью многофункциональными падежными формами, дополняемыми рядом послеложных (локативных) образований.

Именительный (или основной, прямой) падеж специального (падежного) суффикса не имеет. Функции его весьма широки.³

Винительный падеж — падеж прямо о объекта — имеет показатель *-ва* (после гласных), *-ба* (после согласных), *-(м)на* (после назализованных гласных и согласного *н*).

Творительно-совместный падеж имеет показатель *-чи*.

Группу локативных падежей составляет дательно-местный — показатель *-ду*; направительный (он же „сравнительный“) — показатель *-тки* (после гласных), *-т'ки* (после назализованных гласных и согласных); направительно-местный — показатель *-ла* (после гласных), *-дола* (после назализованных гласных и согласных).

¹ О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 5.

² См. обзор притяжательных форм по тунгусо-маньчжурским языкам в кн.: А. Ф. Бойцова. Категория лица в эвенкийском языке. Л.—М., 1940, стр. 101 и сл.

³ О. П. Суник. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков, стр. 112—122.

Склонение имен, оканчивающихся на гласный

Имен.	<i>mō</i> 'дереву'	<i>bəyə</i>	'человек'
Вин.	<i>mōva</i>	<i>bəyəvə</i>	
Твор.	<i>mōzi</i>	<i>bəyəzi</i>	
Дат.	<i>mōdu</i>	<i>bəyətu</i>	
Направ.	<i>mōtki</i>	<i>bəyətki</i>	
Мест.	<i>mōla</i>	<i>bəyələ</i>	

Склонение имен, оканчивающихся на согласный

Имен.	<i>mōsal</i> 'деревья'	<i>bəyəsəl</i>	'люди'
Вин.	<i>mōsalba</i>	<i>bəyəsəlbə</i>	
Твор.	<i>mōsalzi</i>	<i>bəyəsəlzi</i>	
Дат.	<i>mōsaldu</i>	<i>bəyəsəldu</i>	
Направ.	<i>mōsal t'k'i</i>	<i>bəyəsəl t'ki</i>	
Мест.	<i>mōsaldoła</i>	<i>bəyəsəldələ</i>	

Склонение имен, оканчивающихся на назализованный гласный

Имен.	<i>inək'i</i> 'собака'	<i>təmtəkə</i>	'лодка'
Вин.	<i>inək'imna</i>	<i>təmtəkəmnə</i>	
Твор.	<i>inək'inzi</i>	<i>təmtəkənzi</i>	
Дат.	<i>inək'indu</i>	<i>təmtəkəndu</i>	
Направ.	<i>inək'in t'ki</i>	<i>təmtəkən t'ki</i>	
Мест.	<i>inək'indoła</i>	<i>təmtəkəndələ</i>	

Склонение личных местоимений

Имен.	<i>m'i</i> 'я'	<i>s'i</i>	'ты'	<i>n'oani</i>	'он'
Вин.	<i>m'inəvə</i>	<i>s'inəvə</i>		<i>n'oamnani</i>	
Твор.	<i>m'inzi</i>	<i>s'inzi</i>		<i>n'oanzini</i>	
Дат.	<i>m'indu</i>	<i>s'indu</i>		<i>n'oandoni</i>	
Направ.	<i>m'in t'ki</i>	<i>s'in t'ki</i>		<i>n'oan t'kini</i>	
Мест.	<i>m'indulə</i>	<i>s'indulə</i>		<i>n'oandolani</i>	
Имен.	<i>mυ</i> 'мы'	<i>sυ</i>	'вы'	<i>n'oati</i>	'они'
Вин.	<i>mυnəvə</i>	<i>sυnəvə</i>		<i>n'oamnati</i>	
Твор.	<i>mυnzi</i>	<i>sυnzi</i>		<i>n'oanziti</i>	
Дат.	<i>mυndu</i>	<i>sυndu</i>		<i>n'oandoti</i>	
Направ.	<i>mυn t'ki</i>	<i>sυn t'ki</i>		<i>n'oan t'kiti</i>	
Мест.	<i>mυndulə</i>	<i>sυndulə</i>		<i>n'oandolati</i>	

Из послеложных форм отметим две, весьма часто встречающиеся:

а) Исходная: *m'i* *ət'gəzi(i)* 'от меня', *n'oani* *ət'gəzini* 'от него', *təmtəkən* *ət'gəzi* 'от лодки'. б) Направительная: *təmtəkən* *bāroni* 'к лодке', *mō* *bāroni* 'к дереву' и т. д.

Сравнение приведенных форм склонения с аналогичными в нанайском литературном языке обнаруживает следующие различия:

1. Форме винительного падежа основ на назализованный гласный -*м(на)* в нан. лит. соответствует -*м(ба)*.

2. Различны также формы винительного падежа личных местоимений: *m'inəvə*, *s'inəvə*, *mυkəzə*, *sυnəzə* в нан. лит. соответственно — *мимбивэ*, *симбивэ*, *бумбивэ*, *сумбивэ*.

3. Форме направительного (сравнительного) падежа на -*тк'и*, -*к'и* в нан. лит. соответствуют две падежные формы: на -*чи* (суфф. направ. пад.) и на -*дуй* (суфф. сравнит. пад.).

4. В языке нанайцев Кура нет исходного падежа, соответствующего нан. лит. на -*диади*. Ему соответствует послелог *ət'gəzi* (не гармонизирует!).

Отличия, указанные в п. 2 и частично в п. 3, сближают язык нанайцев Күра с тунгусскими языками и языком удэйским.¹

Спряжение в языке нанайцев Күра представляет собою весьма сложную систему, характеризующуюся рядом своеобразных форм. Как и в других тунгусо-маньчжурских, языках, в предикатной функции здесь выступают именные (причастные) личные формы и формы подлинно глагольные, также личные. По смысловому значению эти две категории форм, повидимому, очень близки. Привожу их, не разделяя и пользуясь наиболее распространенной среди тунгусо-маньчжуроведов терминологией.²

Изъявительные формы положительные.

Настоящее время

‘идти’ ‘строить’ ‘сидеть’ ‘добывать’

Ед. число

1-е л.	<i>энэ-й-(i)</i>	<i>анго-й(и)</i>	<i>тэчи-(i)</i>	<i>ва-й-(и)</i>
1-е л.	<i>энэ-мни</i>	<i>анго-мни</i>	<i>тэчи-мни</i>	<i>ва мни</i>
2-е л.	<i>энэ-й-с’и</i>	<i>анго-й-с’и</i>	<i>тэчи-с’и</i>	<i>ва-й-си</i>
3-ье л.	<i>энэ-й-ни</i>	<i>анго-й-ни</i>	<i>тэчи-ни</i>	<i>ва-й-ни</i>

Мн. число

1-е л.	<i>энэ-й-фу</i>	<i>анго-й-фу</i>	<i>тэчи-фу</i>	<i>ва-й-фу</i>
2-е л.	<i>энэ-й-су</i>	<i>анго-й-су</i>	<i>тэчи-су</i>	<i>ва-й-су</i>
3-ье л.	<i>энэ-й-ти</i>	<i>анго-й-ти</i>	<i>тэчи-ти</i>	<i>ва-й-ти</i>

Прошедшее время

Ед. число

1-е л.	<i>энэ-хэ-мни</i>	<i>анго-ха-мни</i>	<i>тэчи-хэ-мни</i>	<i>ва-ха-мни</i>
1-е л.	<i>энэ-тка-й</i>	<i>анго-тка-й</i>	<i>тэчи-тка-й</i>	<i>ватка-й</i>
2-е л.	<i>энэ-хэ-с’и</i>	<i>анго-ха-с’и</i>	<i>тэчи-хэ-с’и</i>	<i>ва-ха-си</i>
3-ье л.	<i>энэ-хэ-ни</i>	<i>анго-ха-ни</i>	<i>тэчи-хэ-ни</i>	<i>ва-ха-ни</i>

Мн. число

1-е л.	<i>энэ-хэ-фу</i>	<i>анго-ха-фу</i>	<i>тэчи-хэ-фу</i>	<i>ва-ха-фу</i>
2-е л.	<i>энэ-хэ-су</i>	<i>анго-ха-су</i>	<i>тэчи-хэ-су</i>	<i>ва-ха-су</i>
3-ье л.	<i>энэ-хэ-ти</i>	<i>анго-ха-ти</i>	<i>тэчи-хэ-ти</i>	<i>ва-ха-ти</i>

Будущее время

Ед. число

1-е л.	<i>энэ-зэ-мни</i>	<i>анго-за-мни</i>	<i>тэчи-зэ-мни</i>	<i>ва-за-мни</i>
2-е л.	<i>энэ-зэ-с’и</i>	<i>анго-за-с’и</i>	<i>тэчи-зэ-с’и</i>	<i>ва-за-с’и</i>
3-ье л.	<i>энэ-зэрэ</i>	<i>анго-зара</i>	<i>тэчи-зэрэ</i>	<i>ва-зара</i>

Мн. число

1-е л.	<i>энэ-зэ-фу</i>	<i>анго-за-фу</i>	<i>тэчи-зэ-фу</i>	<i>ва-за-фу</i>
2-е л.	<i>энэ-зэ-су</i>	<i>анго-за-су</i>	<i>тэчи-зэ-су</i>	<i>ва-за-су</i>
3-ье л.	<i>энэ-зэрэ</i>	<i>анго-зара</i>	<i>тэчи-зэрэ</i>	<i>ва-зара</i>

¹ См.: А. Ф. Бойцова, ук. соч., стр. 26 и сл.

² Обзор глагольно-предикатных форм по тунгусо-маньчжурским языкам и их определение в связи с анализом строя предложения см.: О. П. Сунник, ук. соч. стр. 12—43, 123—35. По вопросу о категориях вида и времени см. ст. В. А. Аврорина „Категория времени и вида в нанайском языке“. (Сб. „Язык и мышление“, XI, 1943).

Изыъявительные формы отрицательные

Настояще-будущее I

'не сидеть'

	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>эс'и-м тэчирэ</i>	<i>эс'и-ф тэчирэ</i>
2-е л.	<i>эс'и-с тэчирэ</i>	<i>эс'и-с тэчирэ</i>
3-ье л.	<i>эс'и-н тэчирэ</i>	<i>эс'и-т тэчирэ</i>

Настояще-будущее II

1-е л.	<i>тэчирэс'и-мни</i>	<i>тэчирэс'и-ф</i>
2-е л.	<i>тэчирэс'и-с</i>	<i>тэчирэс'и-с</i>
3-ье л.	<i>тэчирэс'и-(н)</i>	<i>тэчирэс'и-(т)</i>

Прошедшее I

1-е л.	<i>тэчирэчи-мни</i>	<i>тэчирэчи-ф</i>
2-е л.	<i>тэчирэчи-с</i>	<i>тэчирэчи-с</i>
3-ье л.	<i>тэчирэчи-(н)</i>	<i>тэчирэчи-(т)</i>

Прошедшее II

1-е л.	<i>тэчим-дэ аба-й</i>	<i>тэчим-дэ аба-фу</i>
2-е л.	<i>тэчим-дэ аба-с'и</i>	<i>тэчим-дэ аба-су</i>
3-ье л.	<i>тэчим-дэ аба</i>	<i>тэчим-дэ аба</i>

Приведенные примеры не дают, к сожалению, полной картины изъясительных форм и не выявляют наличия или отсутствия всех тех типов спряжения, которые отмечены в нанайском литературном языке.¹ Однако, из помещенных выше парадигм, а также из тех материалов, которых я здесь, в краткой статье, не могу привести, можно видеть, что различия между типами спряжения, столь отчетливо наблюдаемые в нанайском литературном, в языке нанайцев Күра не прослеживаются. Почти все глагольные основы здесь спрягаются по так называемому первому типу, установленному для нанайского литературного языка. Ср., напр., нан. лит. *энэ-й-ни* — I тип, *ва-р'и-ни* — II тип с нан. на Күре *энэ-й-ни*, *ва-й-ни* и т. д.

Впрочем, как это можно видеть из приведенных ниже примеров, некоторые различия в аналогичных по значению формах и в языке нанайцев Күра зависят от фонетических особенностей глагольного корня или основы. Ср., напр., *тэ-ткэ* 'сидь' и *ва-ка* 'убей', 'добудь' или *ичэ-ткэ-й* 'я видел' и *ичэвкэн-кэ-й* 'я приказал (заставил, дал) увидеть'.

В формах настоящего и прошедшего времени (положительные формы) для 1-го л. ед. числа отмечается две по смыслу очень близкие формы. Первая из них типа *энэ-й-(и)*, *тэчи-(и)* является именной (причастной) предикативной формой, вторая — типа *энэ-ткэ-й*, *тэчи-ткэ-й* — чисто глагольной. Отметить глагольные формы для 2-го и 3-го лиц (наличные в ряде других тунгусо-маньчжурских языков) мне не удалось.

Из отрицательных изъясительных форм необходимо обратить внимание на широко распространенную форму настоящего-будущего времени, условно названную в парадигмах „первой“. Отрицательные формы этого типа свойственны языкам тунгусским,² ни в одном из нанайских говоров они до сего времени не отмечались.

¹ Т. И. Петрова, ук. соч., стр. 76 и сл.

² См., напр.: Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского тунгусского языка. Учпедгиз, 1940; а также парадигмы спряжения в „Тунгусском сборнике“, I (АН СССР, 1931). Материалы по ламутскому языку — В. Г. Богораза и по негидальскому — К. М. Мьяльникова и В. И. Цинцус.

Другие отрицательные формы — настоящего-будущего II, прошедшего I и II, — кроме некоторых отличий фонетических и отчасти морфологических, никаких типологических отличий в сравнении с аналогичными образованиями нанайского литературного языка не содержат.¹

Повелительные формы в языке нанайцев Күра представляют исключительно пеструю смесь из форм нанайского и эвенкийского типов, с явным, однако, преобладанием форм эвенкийского типа.

Ед. число

Мн. число

1-е л.	<i>вāйта</i>	‘добуду-ка!’, ‘убью-ка!’	1-е л.	<i>вāмай</i>	‘добудем-ка!’
2-е л.	<i>вāка</i>	‘добудь!’	2-е л.	<i>вāкалу</i>	‘добудьте!’
3-ье л.	<i>вāгини</i>	‘пусть добудет!’	3-ье л.	<i>вāгита</i>	‘пусть добудут!’

Отрицательные формы 2-го л. ед. и мн. чисел:

<i>эзи</i>	<i>вāра</i>	‘не добывай!’, ‘не убивай!’
<i>эзи</i>	<i>вāрасу</i>	‘не добывайте!’, ‘не убивайте!’

Из других глагольных образований отмечу (несколько отличные от аналогичных в нанайском литературном) вопросительные формы глагола:

Ед. число

Мн. число

1-е л.	<i>тэчи-м-ну</i>	‘сиджу?’	<i>тэчи-ф-ну</i>	‘сидим?’
2-е л.	<i>тэи-с-ну</i>	‘сидишь?’	<i>тэчи-су-ну</i>	‘сидите?’
3-ье л.	<i>тэчи-рэ-ну</i>	‘сидит?’	<i>тэчи-рэ-ну</i>	‘сидят?’

В качестве „назывных“ (инфинитивных) форм глагола, как и в нанайском литературном, здесь употребляются образования на *-ор’и* (*-ур’и*), *-ур’и*. Например, *б’итхэлэ-ур’и* ‘писать’, *хола-ор’и* ‘читать’, *үйлэ-ур’и* ‘работать’ и т. д.

Широко распространены деепричастные формы на *-ра*, *-рэ*: *анго-ра* ‘сделав(ши)’, *ичэ-рэ* ‘увидев(ши)’ и т. д., а также деепричастия на *-м’и*, *-м’и* (при ед. ч. субъекта), *-мар’и*, *-мэр’и* (при мн. ч. субъекта): *карачи-ңга-м’и*, *карачи-ңга-мар’и* ‘идя на охоту’ (нан. лит. *карачи-нда-ми*, *карачи-нда-мари* в том же значении); *энэ-м’и*, *энэ-мэр’и* ‘идя’ (нан. лит. — та же форма и в том же значении).

Прочих глагольных форм касаться здесь не буду, ввиду отсутствия достаточного количества необходимых примеров.

Итак, различия в области глагольных образований между нанайским литературным языком и языком нанайцев Күра весьма значительны:

1. Слабо дифференцированным типам спряжения языка нанайцев Күра противостоят четко выявляемые особенности морфологических типов спряжения нанайского литературного и ряда других тунгусо-маньчжурских языков. В этом отношении язык нанайцев Күра, может быть, ближе всего стоит к языку маньчжурскому.

2. Отрицательные изъявительные формы настоящего-будущего I и особенно положительные повелительные формы сближают язык нанайцев Күра с тунгусскими языками.

3. Основные же формы спряжения языка нанайцев Күра (при учете сказанного выше о фонетических его особенностях) представляются в целом ряде определяющих своих черт общенанайскими.

V

Для характеристики отличительных особенностей языка нанайцев Күра в области лексики приведу краткие списки слов и некоторые часто встречающиеся обороты речи. Наиболее показательными в этом отношении

¹ Т. И. Петрова, ук. соч., стр. 86—87.

оказываются следующие лексические разделы: числительные, наречия места и времени, названия объектов промысла (звери, рыбы).

а) Числительные количественные¹

1 — эмү (эмун), 2 — зүр(ү) (дюэр), 3 — елā (илан), 4 — дийй (дуин), 5 — тон'ңа (тойнга), 6 — н'үңү (нюнун), 7 — надā (надам), 8 — запкү (дякпун), 9 — хүйү (хуюн), 10 — жā (дэан), 11 — жа эмү (дэан эмун), 12 — жā зүр(ү) (дэа дюэр) и т. д. до 20 — ор'и (хорин), 21 — ор'и эмү (хорин эмун) и т. д. до 30 — гоч'и (гочин), 31 — гоч'и эмү (гочин эмун) и т. д. до 40 — дэх'и (дэхи), 50 — сосай (сосай), 60 — н'ич'зү (нюнзуйнгу), 70 — надайа'го (надайngo), 80 — запкуйа'го (дякпойngo), 90 — хүйүңү (хуюйнгу), 100 — эм та'го (эм танго), 1000 — эм м'и'гā (эм минган), 10 000 — эм түм'э (дэан минган, эм тумэн), 100 000 — эм түктү (эм танго минга'), 1 000 000 — түктү түктүни (миллион, тук-тук тумэн).

Как можно видеть из сравнения, большинство числительных нанайцев Күра, кроме некоторых фонетических отличий, не содержат чего-либо отличного от числительных нанайского литературного языка.

В качестве слов, ближе стоящих по своему звучанию к словам тунгусским, следует указать на дийй 'четыре', тон'ңа 'пять', а к маньчжурским — н'ин'зү 'шестьдесят'.

б) Наречия места и времени

В целях сравнения привожу также параллельно наречия места и времени нанайского и эвенкийского литературных языков:

нанайский на Күре		нанайский лит.	эвенкийский лит.
зуск'и	'сюда'	зуси	эвэски
таоск'и	'туда'	тооси	часки, таваски
зүлэск'и	'вперед'	дүлэси	дүлэжи
амаск'и	'назад'	хамаси	амаски
үдү	'здесь'	еду, недү	эду
таду	'там'	чаду	таду
диск'и	'вверх к лесу'	дүйси	диски
н'аск'и	'вниз к реке'	вайси	нгески
солок'и	'вверх по реке'	солопчи	солоки
эйэк'и	'вниз по реке'	хэпчи	эски
аози	'откуда?'	хаяди	авит
зүлэ	'прежде'	балана	дүлэлэ
эйнэңи	'сегодня'	эйнивэ	эси тырга, (эр инэңи)
тимак'и	'завтра'	чимача	тыми
с'иксэ	'вчера'	чисэни	тынивэ

Как видно из примеров, почти все приведенные здесь из языка нанайцев Күра наречия места и времени ближе по своему звучанию к эвенкийским, а не к литературным нанайским.

в) Название зверей и рыб

нанайский на Күре		нанайский лит.
бүйү	'зверь'	бэюн, буюн
төк'и	'лось'	то
иууча	'косуля'	иу

¹ В скобках даны, для сравнения, однозначные слова нанайского литературного языка в орфографическом написании.

солак'и	лиса	соли
эбэчэкэ	медведь	мапа
он'чо	бурундук	улли
оло	рыба	согдата
курэ	амур (рыба)	куэрэ
к'ирфу	осетр	кирпу
йэус'и	нельма	еусин
кар'и	лещ	карин
качакта	касатка	качиакта
сао	сиг	сау
гүчэ	щука	гучэн
с'ифа	сом	лаха
хатку	сазан	кэчи
кэчирэ	карась	ханго
сакана	таймень	делин
кэта	кета	дава
соң'ана	ленок	нимо

Различия в приведенных двух рядах равнозначных слов весьма значительны; названия зверей почти полностью совпадают с аналогичными эвенкийскими; названия рыб в большей части являются общенанайскими, частично — эвенкийскими. Некоторые названия рыб ни в нанайском, ни в эвенкийском своих звуковых эквивалентов не находят (с'ифа 'сом', хатку 'сазан', сакана 'таймень').

г) Различные обороты и словосочетания

зүлэ мү эхэлэ б'иүхэ 'раньше мы плохо жили', эйнэңи мунду тидэзэрэ 'сегодня у нас будет дождь', махун темтэкэсэлду бэйэсэл б'ирэ 'во многих лодках люди имеются (находятся)', тати эма зака 'вот там что за вещь (предмет)?', ни зака? 'кто таков (кто за предмет)?', м'инду мүкэвэ бүкэ 'мне воды дай!', тэң б'ирэ 'совершенно правильно (точно есть)!', эма бэйэ нэкэс'и? 'кто ты такой?', м'и удинкан нэкэмни 'я удинкан есьм', эма бэйэ нэкэсу? 'что за люди есте?', мү үл'кэңкэ нэкэфу 'мы жители Улики (уликовцы) есьмы', мо дэрэ 'деревянный стол' ('дерево стол'), дэрэ мо 'стол деревянный', сэлэ сукэ 'железный топор' ('железо топор'), сукэ сэлэ 'топор железный', эй ни дэрэни? 'это кого (чей) стол?', тэй эма бэйэни 'то что за (чей) человек?', кэтэ бэйэ, айа бэйэ, чик'и айа бэйэ 'большой человек, хороший человек, очень хороший человек', эхэлэ бэйэ 'плохой человек', м'инк'и-дэ тэй бэйэтк'и-дэ гогда 'и меня' и того человека выше (он)', гэрэн гурун'т'к'и гогда 'всех людей выше', м'и дэрэ н'оани дэрэтк'ини н'иску 'мой стол его стола меньше', н'оани дэрэни м'и дэрэтк'и кэтэ 'его стол моего стола больше'.

Заканчивая на этом рассмотрение особенностей языка нанайцев на р. Күре, я должен подчеркнуть два существенных момента: во-первых, неполноту и, во-вторых, известную односторонность описания, с сознательной установкой на выявление отличий языка нанайцев Күра от нанайского литературного языка; сходства (а их весьма много!) я вынужден был отмечать лишь в самой необходимой мере.

Что же отличает и обособляет язык нанайцев Күра? Общий ответ на этот вопрос дает приведенный на предыдущих страницах материал: большое количество тунгусских элементов.

В предлагаемом изложении тунгусские элементы даны в таком количественном соотношении, что может возникнуть вопрос — не следует ли вообще говорить скорее о нанайских элементах в одном из эвенкийских (тунгусских) восточных диалектов? Перед нами встает очень важная и очень сложная лингвистическая проблема — проблема языкового скрещения. В советском языкознании, как известно, проблема эта на новых методологических основах была поставлена Н. Я. Марром.

Весьма значительные отличия, присущие языку нанайцев Кúра, дают основания считать этот язык не говором, а диалектом (или наречием) нанайского языка, если под термином „диалект“ (или „наречие“) понимать более широкую, чем говор, языковую меру (единицу), нередко включающую два, три говора.

Какими бы путями ни сложился своеобразный „тунгусско-нанайский“ язык обитателей берегов Кúра, этот язык сейчас ближе к нанайскому, чем к эвенкийскому. И не случайно говорящие на этом языке жители Улики-национальной считают себя одноплеменниками амурских нанайцев (гольдов), а не сородичами обитающих поблизости в верховьях рек Урми и Кúра эвенков.

Не располагая историографическими данными о нанайцах Кúра, было бы трудно утверждать что-либо определенное относительно путей сложения их диалекта. В заключение можно лишь указать, что общий остов, „канва“ языка нанайцев Кúра мало чем отличается от остова языка нанайцев Амура. Что же касается тех языковых „узоров“, которые, находясь на поверхности, бросаются в глаза наблюдателю, то здесь, в языке нанайцев Кúра, эвенкийская (и шире — тунгусская) языковая стихия представлена в очень обильных и ярких формах.

Как было указано, состав фонем, фонологическая система языка нанайцев Кúра, в частности — гармония гласных, словесное ударение, — не имеют значительных отличий от общенанайских норм, хотя во многом отличны от норм общетунгусских. Синтаксическая система языка нанайцев Кúра также стоит ближе к общенанайской, чем к общетунгусской.

Но в области словаря, а также морфологии (суффиксов) мы сталкиваемся с широкими и, можно думать, исторически достаточно глубокими тунгусскими языковыми реалиями.

Само собой, казалось бы, напрашивающийся вывод о позднейшем усвоении нанайцами Кúра тунгусских элементов и о постепенной тунгусизации их — был бы излишне упрощенным. Такое утверждение основывалось бы только на некоторых свидетельствах языка — данных очень важных, но требующих своего специального объяснения, ибо, как известно, „ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они суть только проявления действительной жизни“.¹

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 435.